

Юрова Евгения

Закат Кимии

Рассказ о космическом скептике

12+

Евгения Игоревна Юрова

Закат Кимии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64143962

SelfPub; 2021

Аннотация

К 2040 году люди не отказались от мечты найти братьев по разуму – пусть от неё и отказался один конкретный космонавт. Холодная логика, научное мировоззрение и здоровый пессимизм – таковы, по его мнению, необходимые нормальному человеку черты, с ними никогда не ошибёшься. Так уж и никогда?..

Евгения Юрова

Закат Кимии

Как он потом рассказывал, бесконечные расспросы журналистов в «день прессы» наскучили, не начавшись. Одни и те же клишированные фразы: как вы пришли к этому, какие ожидания, как вы себя...

– Пётр Михайлович, как вы чувствуете себя, попав космос, в такой продолжительный полёт? Наверное, очень горды собой? – выкрикнул какой-то парень чуть старше Василисы.

На этот раз вопрошаемый, неожиданно для себя, не отмолчался.

– Чувствуешь себя чем-то средним между тяжёлым больным и бомжом! Карантин, маски у всех, проверяют постоянно, сон по расписанию. Потом моешься салфетками и спишь в мешке!

Журналисты улыбнулись.

– Да, и ещё хомяком: тренировки по два с лишним часа, еда из пакетиков. Разве что на карусели можешь долго кататься! Журналисты покатались со смеху.

На самом деле «шутка» была чересчур правдивой, чтобы веселить причастных. Пётр давно удивлялся способности коллег видеть в своём деле какую-то романтику. Она бывает только в глупом кино, а в реальности – унылый быт и

неудобства. Ну да, за восемьдесят лет с первого полёта человека в космос модули, за счёт миниатюризации технической набивки, стали чуть просторнее, системы безопасности чуть надёжнее, скорости чуть выше – но чёрта с два они расхаживали по кораблю с искусственной гравитацией и симпатичным бионическим дизайном. Причина проста: не выгодно.

Не выгодным был и чудом состоявшийся полёт «Аэлиты-10». Новейший совместный проект «СЕТИ» и японского «Центра поиска внеземных путей» (ну и названьице!), корабль должен был продолжить исследования ближнего космоса на предмет следов инопланетных цивилизаций – и вопреки здравому смыслу и практическому мышлению исправно финансировался какими-то эскапистами. Сперва Михайлович хотел отказаться – стыдно, право слово, верить в эту чушь! – но в конце концов уступил, поддавшись на уговоры Светы.

Помимо инженера Петра, экипаж, которому предстояло год шататься по солнечной системе (опять же: дальше – дорого!), включал молоджавого американца Луи – бывшего лётчика-спасателя, отец которого слишком любил джаз, француза-ксенобиолога Мишеля, притащившего на орбиту чудовищно долгоживущую мышь, кореянку-хирурга Син Мин, соотечественника-агронома Ивана и латыша-астронома Яниса. Ах да, ещё имелся роботизированный помощник по кличке Нина, которую, впрочем, за человека почти никто и не считал.

На взгляд инженера, все ребята были приятными и покладистыми – но очень уж несерьёзными. Так, по дурацкой с его точки зрения традиции вот уже лет десять каждому космонавту придумывали прозвище. Например, Луи, припомнив легендарного тёзку, нарекли Джазменом, Син Мин навязали «Зайку» – феминизм в космос не завезли, да ей и самой нравилось – а Ивана, недолго думая, обозвали Царём.

Сам он старался избегать этого баловства, сколько мог – но увы.

– Фамилия у тебя какая-то неподходящая, – как-то во время совпавшей тренировки рассуждал Мишель, крещёный русскими «Мышелем», – «Добрых», это, по-вашему, вроде gentil? Kind-hearted, по-английски? Не похож. А вот имя что надо! Ноешь и ноешь.

С тех пор, с подачи француза, Петра обзывали Пьеро, в коем качестве он существовал уже шестой месяц.

Пережив очередную неизбежную встречу с жутким космическим туалетом, так и норовящим засосать зазевавшегося космонавта, и опустошив в своём модуле тубик какого-то химозного йогурта – то ли с клубникой, то ли с яблоком, – Пётр полез проверять расписание на день. К своему неудовольствию он обнаружил там слишком мало работы и слишком много свободного времени.

«Праздник, чёрт его побери. “Психологическая разрядка”. Тфу. Лодыри...»

Хуже всего был пункт «сеанс связи с близкими».

– Мишель, эй, тебе вроде надо покормить мышь? – обратился он к проплывающему мимо модуля французу. – Давай я, иди собирай свои данные по излучению.

– Покормил уже, Пьеро! Добрый кусок камамбера стресскала.

На этот раз от милых родственников отделаться не удалось.

Света, как всегда, пыталась изображать образцовую жену и мать. После поистине средневекового допроса о ходе полёта она приступила к попытке «дела семейные».

– Васька увлеклась какими-то голоданиями. Врач говорит, до анорексии недалеко, а в её возрасте это особенно опасно. Советует свозить в специальный санаторий.

– Ну так свози.

Пётр скосил глаза на часы в верхней части экрана. Еще пять минут.

– Господи, ну неужели ты не можешь быть чуть заботливее? Ты бы поговорил с ней, сказал, не знаю, что космонавтам на скелетов быть похожими нельзя, её бы не взяли, что-нибудь такое – она же так восхищается...

– Голодай-не голодай, всё равно you're gonna die, – процитировал он подслушанную шутку, – это подростковая дурь. Если с башкой всё нормально, пройдёт.

– А если нет?!

– Так, хватит молоть ерунду. У меня время закончилось. Дела. Всё, пока. Иди, это... работай.

Пётр отключил связь и облегчённо вздохнул.

В восемь по Гринвичу, когда коллеги всем международным составом справляли русское Рождество, он сослался на усталость и спрятался от суеты у себя. Даже в одиночестве отдохнуть не получилось: следовало, в конце концов, разобраться – раз и навсегда. Ещё дошкольником Пётр принадлежал к тем людям, что предпочитают идти к врачу самостоятельно и сразу.

Жужжание очистителя воздуха действовало на нервы. Плюшевый медведь на липучке, вручённый Васькой, укоризненно смотрел с условного потолка.

Пётр спрятал зверя в мешок для личных вещей, включил компьютер, нашёл номер своего юриста и запустил переписку. Подобные полёты стали выполняться совсем недавно, и для контроля за космонавтами все их сообщения проверялись – но кому какое дело до его личных проблем? Тем более данные хранились в секрете.

«Макс, день добрый. Насчёт развода. Подготовь бумаги на электронную подпись к среде.»

Пётр.

«Как поживаете, Пётр Михайлович? Могу хоть сейчас. Документы давно готовы. За Вами останется дом и квартира в Петербурге, без права наследования потомками, жене с дочерью полагается однушка в Черногории, ну та, ваших родителей. Алименты всего три года платить, и всё.»

Максим.

«Подлец ты, Пётр! Уволить тебя мало, но формально не за что.»

Роскосмос.

«Макс, это что?!»

«Не знаю, шутник какой-то, стажёр, наверно. Не обращай внимания. Ну как, подписываем?»

Максим.

«Ты это, подожди. Подготовь пока. Я напишу, потом. Ну, отбой».

Пётр.

Он достал игрушку дочери, трижды перечитал месячной давности поздравление Светы с юбилеем свадьбы. Спрятал медведя и чуть не стёр поздравление. Немного подумал – со стороны наморщенный лоб смотрелся бы карикатурно – вернул письма из «корзины» и...

И снова достал бы медведя, если бы не оклик Син Мин: манипулятором выловили что-то необычное. И это был точно не кусок астероида.

Пока объект обрабатывался в шлюзе, все шестеро (робота оттеснили) прилипали к иллюминатору. В конечном счёте предписанные меры безопасности выполнили, из предосторожности всей командой залезли в скафандры – то ещё удовольствие: мягкие и удобные они только в кино – и приступили к осмотру выловленного.

Трофей представлял собой полукруглую пластину из вещества медного цвета – тёплую даже через перчатку. В цен-

тре неведомый мастер то ли выгравировал, то ли нарисовал себя: гуманоидного вида создание с приплюснутым носом, крупными, округлыми глазами и подобием жабр у шеи, в стороне – схему, по общему мнению изображавшую планетарную систему, а также свой профиль – с весьма необычной причёской.

– Ну и зачем было привлекать внимание к местной моде? – недоумевал Пётр, – тоже мне ценная информация. Дреды какие-то из водорослей под капюшоном.

– Может, это раса рыб-модельеров, – попыталась пошутить Мин, – вот, несут прекрасное в массы... Или это у них биологический цикл такой: вырастает что-нибудь.

– Гони его в запасной санитарный модуль, пусть «наверху» с их модой разбираются!

Пластины ещё раз обработали, приволокли на место и заперли; на всякий случай дезинфицировались сами. Шёл десятый час – отбой.

Пётр, как лучше всех ладящий с канцелярщиной, сел – вернее, повис – составлять отчёт. Внизу, со стороны формального «пола», шуршала Нина: примагнитившись к специальной балке, робот проверял многочисленные провода и запас необходимых вещей – достаточно тихо, но с раздражающе довольным видом.

– Слушай, какой дурак запрограммировал тебя постоянно улыбаться и напевать?!

– Так ведь не постоянно, – чуть слышно скрипнув шей-

ным механизмом, отозвалась помощница, – И мне просто нравится. Хотите – замолчу.

– Хочу. Лепечешь как ребёнок. И не может тебе ничего нравится: ты микросхемы бездушные. Тфу, то есть бездумные.

Нина прокутила звук на «минимум» и шёпотом заметила:

– Обидно, Пётр Михайлович. Зачем вы так?

– Тебе не может быть обидно, ты машина.

– У меня же есть разум, Пётр Михайлович. «Я мыслю, следовательно...». Насчёт души не знаю, но у людей – есть. За всех обидно, – повторила Нина.

– Это тебе так кажется. Ты всего лишь сложная вычислительная программа. Как, впрочем, и мозг у людей. Иди давай, не мешайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.